

ДОБРОТОЛЮБИЕ

I

ORTHODOX LOGOS PUBLISHING

ДОБРОТОЛЮБИЕ

ДОБРОТОЛЮБИЕ

Том 1

Святой Антоний Великий
Святой Макарий Великий
Преподобный Авва Исайя
Святой Марк Подвижник
Авва Евагрий

© 2025, Orthodox Logos Publishing, The Netherlands

www.orthodoxlogos.com

ISBN: 978-1-80484-209-6

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means – electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise – without the prior written permission of the publisher, except for brief quotations used in critical reviews or scholarly works as permitted by applicable copyright law.

ДОБРОТОЛЮБИЕ

ORTHODOX LOGOS PUBLISHING

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Вступление	11
СВЯТОЙ АНТОНИЙ ВЕЛИКИЙ.	15
Несколько слов о жизни и писаниях святого Антония Великого	15
Наставления Святого Антония Великого.	22
Наставления о жизни во Христе, извлеченные из слов его в жизнеописании св. Афанасия, из его 20 посланий и 20 слов	22
О доброй нравственности и святой жизни, в 170 главах	50
Устав отшельнической жизни	69
Изречения св. Антония Великого и сказания о нем	82
Объяснение некоторых изречений св. Антония Великого, сделанное после его смерти одним старцем	96
СВЯТОЙ МАКАРИЙ ВЕЛИКИЙ	105
Сведения о жизни и писаниях св. Макария	105
Светлое первобытное состояние	107
Мрачное состояние падшего	109
Господь устроитель спасения	115
Образование твердой решимости спастись в госпoде	119
Состояние трудничества	134
Состояние приивших действенность духа	151
Высшая степень совершенства христиан	174
Будущая жизнь	179

ПРЕПОДОБНЫЙ АВВА ИСАИЯ	184
Краткое сведение о преподобном отце нашем Исаии, авве Нитрийском и его писаниях	184
Слова преподобного аввы Исаии к своим ему ученикам	
СЛОВО ПЕРВОЕ Заповеди аввы Исаии жившим с ним братьям	186
СЛОВО ВТОРОЕ О законе естественном	188
СЛОВО ТРЕТЬЕ О состоянии новоначальных и келлиотов	190
СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ О путешествовании живущих в кельях, и о совести	194
СЛОВО ПЯТОЕ О заповедях верным, и о домостроительстве желающих в мире жить вместе друг с другом	204
СЛОВО ШЕСТОЕ О желающих безмолвствовать добрым безмолвием, – да внимают себе, чтоб отрывать татей, окрадающих их, и не иждивать времени своего в пленении и работе горькой, предавая сердца свои делам, кои не приличествуют им, и забывая о грехах своих	210
СЛОВО СЕДЬМОЕ О добродетелях	212
СЛОВО ВОСЬМОЕ Изречения	216
СЛОВО ДЕВЯТОЕ Заповеди отрешившимся от мира	221
СЛОВО ДЕСЯТОЕ Другое слово (к отрешившимся же)	223
СЛОВО ОДИННАДЦАТОЕ О зерне горчичном	224
СЛОВО ДВЕНАДЦАТОЕ О вине	225
СЛОВО ТРИНАДЦАТОЕ О подвизавшихся и совершивших (подвиг) свой добре	227
СЛОВО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ Деяния плача	230
СЛОВО ПЯТНАДЦАТОЕ Об отречении от мира.	232
СЛОВО ШЕСТНАДЦАТОЕ О радости, бывающей в душе, желающей работать Богу.	234
СЛОВО СЕМНАДЦАТОЕ О помыслах при отречении от мира и странничестве	242
СЛОВО ВОСЕМНАДЦАТОЕ О незлопамятстве	246
СЛОВО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ О страстях	248
СЛОВО ДВАДЦАТОЕ О смиренномудрии	250
СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ. О покаянии	251
СЛОВО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ О действовании нового человека	259
СЛОВО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ О совершенстве	264

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ О бесстрастии	269
СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ К авве Петру, ученику своему	270
СЛОВО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ Слова, которые передал авва Петр, ученик Исайи, сказывая, что слышал их от него	286
СЛОВО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ О «внемли себе» (<i>Втор. 15, 9</i>)	290
СЛОВО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ О ветвях зла	293
СЛОВО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ Рыдания	295
Правила и советы новоначальным инокам	301
Изречения аввы Исайи	306
О хранении ума: 27 глав	309
Главы о подвижничестве и безмолвии	314
СВЯТОЙ МАРК ПОДВИЖНИК	316
Сведения о жизни и писаниях святого Марка	316
Наставления Марка подвижника о духовной жизни	22
Послание к иноку Николаю Возлюбленному сыну Николаю.	317
Ответ монаха Николая на писание Марка Подвижника	327
Наставления Святого Марка, извлеченные из других его слов	329
Двести глав о духовном законе	351
К тем, которые думают оправдаться делами, 226 глав	363
АВВА ЕВАГРИЙ	379
Сведения о жизни Аввы Евагрия	379
Главы о деятельной жизни к Анатолию	384
Евагрия монаха о деятельной жизни, сто глав Изречения святых старцев	394
Евагрия монаха изображение монашеской жизни, в коем преподается, как должно подвизаться и безмолвствовать	398
Евагрия монаха 33 главы аналогий, или уподоблений	404
Его же изречения о духовной жизни, по алфавиту.	406
Его же – другие изречения	407
О восьми помыслах к Анатолию	408
Мысли его же, соединяемые со статьей о восьми помыслах	410

Наставления братьям, живущим в киновиях и странноприимницах	412
Его же – наставления девственницам	416
О различных порочных помыслах главы	419
Евагрия монаха – Изречения	431
Примечания	433

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Добротолюбие» – это величайшее сокровище духовной литературы, в котором собраны наставления, житейские поучения и глубочайшая мудрость вековых отцов Церкви. Это произведение является результатом многовековой традиции, в ходе которой святые, отшельники и мудрецы искали ответы на самые сокровенные вопросы бытия, любви к Богу и пути к спасению души. От первых строк книги до последнего изречения читатель окунается в атмосферу искренности, подлинной духовной борьбы и любви к добру. Вступление данной книги не просто открывает перед нами страницы древних наставлений, оно переносит нас в тот мир, где каждое слово дышало верой и молитвой, где каждое изречение становилось путеводной звездой для ищущих правды.

История создания «Добротолюбия» уходит корнями в глубокую древность. С течением веков, в условиях смуты и духовного разлада, именно слова отцов Церкви становились опорой для миллионов верующих. В каждой главе, будь то наставления преподобного Антония Великого, мудрые изречения святого Макария или кроткие советы аввы Исаии, звучит не только благородный зов к внутреннему преобразению, но и ясное указание на необходимость смирения, покаяния и служения Богу. Эта книга – своего рода духовный мост, соединяющий прошлое и настоящее, позволяющий каждому найти в себе зерно истинной веры и любви к добру.

В современном мире, где шум материального окружения заглушает голос души, «Добротолюбие» предстает как актуальное руководство по обретению внутренней гармонии и пути к высшему совершенству. Автор, погрузившийся в безмерные просторы монашеской жизни, с любовью и трепетом собирал воедино наставления великих святых, обогащая их собственными размышлениями и опытом. Каждая глава книги наполнена глубоким смыслом, каждое слово отзывается в сердце читателя, вызывая желание жить в свете духовной чистоты и стремиться к вечной истине.

Вступление книги обращается к читателю с призывом остановиться на мгновение в суете будней, чтобы всмотреться в глубину своей души и найти там заветы, подаренные веками. Оно рассказывает о том, как через трудности жизненного пути и испытания верой человек может обретать твердость духа, совершенствоваться и познавать самого себя. Автор приглашает каждого, кто ищет духовного пробуждения, отправиться в путешествие по страницам книги, где слова святых становятся маяками на тернистом пути к Богу.

Эти древние наставления не теряют своей силы даже спустя столетия, ибо истинная духовность вечна и не подвластна времени.

Особое внимание во вступлении уделено историко-культурному контексту. Рассказано о том, как в эпоху духовных потрясений и социальных перемен именно учения великих монахов помогли сохранить связь с божественным началом. В книге звучат голоса тех, кто прошёл через искушения, осветил тьму неверия и своими примерами показал, что дорога к спасению начинается с внутреннего очищения. Здесь нет случайных фраз – каждое слово имеет свою глубокую причину, каждое наставление выверено временем и испытано на прочность жизнью.

«Добротолюбие» учит нас тому, что высшая степень совершенства заключается не в мирских успехах, а в умении любить, прощать и следовать заветам, оставленным святыми. Оно открывает перед нами мир, в котором духовное возрождение становится возможным через постоянное самоусовершенствование, через смирение перед лицом божественной мудрости. Вступление книги – это не просто предисловие, это приглашение к личному диалогу с вечностью, где каждое слово, произнесённое с любовью, становится ключом к освобождению души.

Погружаясь в страницы «Добротолюбия», читатель незаметно переносится в иной мир – мир святости, мира молитвы и безграничной надежды на искупление. Здесь, среди древних наставлений, слышится тихий голос истины, зовущий нас к покаянию, благочестию и постоянному стремлению к свету. Именно благодаря таким произведениям духовные традиции остаются живыми и актуальными, помогая нам не сбиться с пути, указанного великими мудрецами. Это произведение становится верным спутником на жизненном пути, напоминая о том, что истинная любовь – любовь к Богу и к ближнему – является высшей целью человеческого существования.

Таким образом, «Добротолюбие» предстает как произведение, объединяющее многовековые традиции, опыт и вдохновение святых, дарующих нам возможность прикоснуться к вечной истине, найти утешение и обрести силы для духовного возрождения. Каждая строка этой книги наполнена благодарью, каждая глава – уроком веры и милосердия, позволяющим открыть в себе неисчерпаемый источник любви и добра.

ВСТУПЛЕНИЕ

Предлагая любителям духовного чтения известное всем **Добротолюбие** в русском переводе, с прибавлением к нему, долгом считаем сказать несколько слов о том, что такое есть Добротолюбие. Этим словом переведено греческое название его – **Филокалия**, которое означает: «любовь к прекрасному, возвышенному, доброму». Ближайшим образом оно содержит в себе «истолкование сокровенной в Господе Иисусе Христе жизни». Сокровенная в Господе нашем Иисусе Христе истинно христианская жизнь зачинается, раскрывается и к совершенству восходит, в своей для каждого мере, по благоволению Бога Отца, действием присущей в христианах благодати Пресвятого Духа, под водительством Самого Христа Господа, обетовавшего быть с нами во все дни неотлучно. Благодать Божия призывает всех к такой жизни; и для всех она не только возможна, но и обязательна, потому что в ней существо христианства. Причастниками же ее являются не все призванные, и действительные ее причастники не все причащаются ее в одинаковой мере. Избранники глубоко в нее входят и по степеням ее высоко восходят. Проявления ее, равно как и богатства области, в которой она раскрывается, не менее обильны и разнообразны, как и явления обычной жизни. И если бы могло быть ясно понято, и понятно изображено все, бывающее там: вражеские нападения и искушения, борьбы и одоления, падения и восстания, зарождения и укрепления разных проявлений духовной жизни, степени общего преуспевания и свойственное каждой состояние ума и сердца, взаимодействие во всем свободы и благодати, ощущения близости и отдаления Божия, чувства промыслительного вседержительства и положения себя, – окончательное и безвозвратное, – в десницу Господню, с отложением всех своих способов действия, при непрестанном, напряженном действовании, – если бы все сие, и многое другое, неразлучное с истинной в Господе жизнью, могло быть ясно и удобопонятно изображено, то представило бы картину, сколько привлекательную, столько же и поучительную, – картину, похожую на всемирное путешествие. Путешественники пишут путевые заметки о всем, что встречают достойным внимания на пути своем. Писали свои заметки и избранники Божии, в разных направлениях проследившие все тропы духовной жизни, о всем, что встречали и испытывали в сем многотрудном шествовании своем. Но участь и назначение тех и других заметок неодинакова. Не имеющие способов путешествовать могут, и не двигаясь с места, составить себе довольно приблизительные понятия и представления о чужих странах, посредством чтения путевых заметок других путешественников, потому что

формы жизни всех тварей больше или меньше походят одни на другие, в каких бы странах они ни проявлялись. Не то бывает в отношении к опытам духовной жизни. Понимать их могут только шествующие путем сей жизни. Для не вступавших на него это совершенно неведомая наука, но и вступившие на него не все вдруг понимать могут. Их понятия и представления уясняются по мере шествия и углубления в страну духа. По мере умножения собственных опытов духовной жизни, становятся ясными и понятными указания опытов, замеченных святыми отцами в писаниях. При всем том, однако же, изображение разных проявлений духовной жизни, заключающееся в святоотеческих писаниях, не есть дар напрасный и для всех вообще христиан. Оно дает всякому понять, что если он не испытал еще того, о чем говорится в сем описании, то значит что установившийся для него образ жизни, несмотря на то, что с ним мирится его христианская совесть, не есть законченное совершенство, лучше которого нечего желать, и выше которого некуда идти. Давая же это понять, оно не может не возбудить ревности к преуспеянию, не может не манить вперед, указывая там нечто лучшее, нежели чем обладает он. Для тех, которые вступили на путь к лучшему и совершеннейшему, оно дает нужные указания в сомнительных и недоуменных случаях, когда нет наличного опытного руководства, и когда и это самое встречает неразрешимости, не позволяющие давать окончательные решения, которые устраняли бы всякое колебание в шествующем. Очень важно бывает знать, как и куда ступить ногой в известном случае, чтобы не сделать ошибки. И вот здесь какое-нибудь изречение отеческое разгоняет тьму, воссияв подобно лучу молнии среди ночи. Вообще же это теплица духовная, в которую верующий, прочитывая указания о явлениях духовной жизни, входит сознанием и сердцем, и подлежа там ощутительным влияниям возбужденных созерцаний, чувствует, что он витает в сии минуты в иной некоей атмосфере, светоносной и живоносной. Это отрадные моменты, – и в продолжение их-то обычно зарождаются и зреют разные отпрыски на древе духовной жизни. И потому нет ничего дивного, что испытавший это, как только улучает свободную минуту, спешит к опытным описаниям духовной жизни, как любящий прибыль спешит к местам, прибыль обещающим, и любящий удовольствия – к местам утех. Он часто при этом желает подышать оживляющим и ободряющим воздухом духовным. И однако ж это не есть праздное любопытство. Нет, это есть дело существенной необходимости для преуспеяния и благосостояния нашего духа. Вот почему между истинными христианами всегда была и есть потребность иметь под руками святоотеческие писания о духовной жизни. Но сколько похвально чувство такой потребности, столько же обязательно удовлетворение ее от лица тех, кои имеют долг к тому и силы на то. Она и была всегда удовлетворяема, как изданиями сих писаний в полном их составе, – например: святых Макария, Исаака и *Ефрема Сирина*, Лествичника и других многих, так не менее того и сборниками из них. К числу таких сборников принадлежит и известное всем **Добротолюбие**, как наилучший из них. Понятно теперь, что есть Добротолюбие. Оно дает нам словеса и главизны священного трезвения, т.е. и полные рассуждения, и краткие изречения о внутренней духовной жизни, со

всеми, свойственными ей, проявлениями и деланиями. Это книга, составленная в удовлетворение духовных потребностей в ревнителях о духовном преуспении. Читающие ее знают, какие сокровы в Добротолюбии сокровища духовной мудрости: читают и услаждаются. Но услаждаясь и назидаясь чтением его, они не скрывают скорбного сожаления, что многое в книге остается непонятым, не по высоте и глубине содержания, а по устарелости перевода. Очевидна потому потребность нового перевода сей книги. Потребность эта сознана давно, и удовлетворялась в известной мере переводами, помещавшимися в «Христианском Чтении» с первых годов его издания, и изданиями отдельных статей, входящих в состав Добротолюбия, как например: св. Максима (о любви; она есть в греческом Добротолюбии), Исихия, *Петра Дамаскина*. Составитель настоящего сборника и имел сначала в виду: лишь проверить переведенное уже, доперевести не переведенное, и дать читателям Добротолюбие в русском переводе, – полное, в том составе, какой имеет оно на греческом языке. Но потом он пришел к убеждению, что для нас необходимо увеличить Добротолюбие и против того объема, какой имеет оно на греческом. Потому что, хотя греческое Добротолюбие полнее славянского, но все же оно не содержит всего, что дали нам святые отцы в руководство к духовной жизни, и чем желалось бы доставить и пользу и утешение любящим такое чтение. Отсюда – предлагаемый сборник то же Добротолюбие, только увеличенное. Наш новый сборник идет по следам прежнего Добротолюбия. Но, замечая, что у того отца, которого статья помещена в нем есть и другие статьи, обращается к ним, и если находит их сообразными с своим характером, принимает в себя и их. Также, замечая, что между отцами, у которых заимствованы статьи, были и другие отцы, оставившие нам писание о духовной жизни, обогащает себя и ими. Так у св. Антония в прежнее Добротолюбие взяты только его наставления в 170 главах; новый сборник вносит в себя и прочие писания св. Антония. Св. Макарий там опущен (из него внесены Метафрастовы перифразы наставлений в 150 главах: наши 7 слов). Здесь представлены из него наставления в некотором систематическом порядке, его собственной речью. Из Исаии отшельника там имеются только 27 глав – кратких изречений. Здесь помещаются все известные его 29 слов в новом переводе с греческого. То же сделано в отношении к Евагрию и св. *Марку подвижнику*. Так поведется дело и в последующем собрании статей. Таков образ составления нового Добротолюбия. Оно будет идти по примеру прежнего, с дополнением его, что бы не лишить любителей сего чтения ничего, что встречено будет благопотребного к руководству их к жизни по Богу. Об образе внесения статей долгом считаем предьявить, что не все писания будут вносимы сполна. Многие гораздо удобнее представить в извлечении. Это и будет делаемо иногда в каком либо систематическом порядке, а иногда без него в виде отдельных изречений. Но самые наставления отеческие всегда будут предлагаемы их собственными словами. Предлагается читателям первая книга Добротолюбия, в новом его составе. В нее входят: 1) Писания св. Антония; 2) Извлечения из бесед св. Макария; 3) Слова Исаии отшельника; 4) Наставления св. Марка подвижника; 5) Писания Евагрия монаха. В таком порядке статьи идут и в греческом Добротолюбии.

В нашем св. Кассиан, стоящий там между Евагрием и св. Марком, отлагается до следующей книги. Сопровождаем наш сборник искренним желанием, чтобы любители духовного чтения находили в нем то, что желалось вложить в него для них составителем.

СВЯТОЙ АНТОНИЙ ВЕЛИКИЙ

Несколько слов о жизни и писаниях святого Антония Великого

Святой Антоний Великий, положивший начало уединеннопустынному подвижничеству, жизнью своею представляет идеал такого рода Богоугождения, и вместе путь, которым и всякая душа, если захочет, должна идти к возможному для нас на земле совершенству, подаемому христианством. Жизнь св. Антония описана св. *Афанасием Великим* (см. его творения, т. 3), и почти без сокращений помещена в наших Четь минеях под 17 января. Желаящий знать ее подробно пусть обратится туда. Здесь указываются только общие черты ее. Божие избрание св. Антония на дело, им совершенное, обнаружилось в нем еще в детстве. Тихий, теплосердечный нрав, склонный к уединению, отстранял его от детских резвостей и шалостей сотоварищества и держал в доме на глазах родителей, которые блюли его, как зеницу ока. Так и вырос он, в этом отрешении от людей, выходя из дома только в *церковь*. При таком настроении и порядке жизни, благодать Божия, полученная в крещении, беспрепятственно действовала на созидание духа и без особых усилий с его стороны. Очень естественно, что он рано ощутил сладость жизни по Богу и распалился Божественным желанием, как говорит св. Афанасий. Не находя препятствий к такой жизни в доме, – ибо и родители были того же духа, – св. Антоний не обнаруживал никакого желания оставить его, пока живы были родители, и избавляли его от неизбежных житейских забот. Но когда отошли они к Богу, он, оставшись набольшим, должен был принять на себя заботы по управлению дома и пропитанию сестры. Это тотчас дало ему ощутить великую разность жизни в Боге и многопопечительной жизни житейской, и положило твердое начало его желанию – все оставить и жить только для Бога. Слышанное им в этом настроении в церкви слово Господа: «аще хошеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим, и имети имаша сокровище на небеси» (*Мф. 19, 21*) – и потом другое: «не печытесе на утrey» (*Мф. 6, 34*), запечатлели сие желание печатью Божескою; ибо в словах тех он слышал Божий ответ на вопросы совести своей, и вместе Божие повеление и благословение на исполнение сокровенных желаний и стремлений своего сердца. – Он решился решимостью нераскаянною, и, все раздав, начал жить для единого Бога. Первые годы мироотречной жизни своей св. Антоний проводил так же, как проводили ее другие, известные тогда подвижники, от них всему научаясь. Известно, что мироотречное подвижничество, в коем, отрешившись от всех житейских забот, ревнуют единственно о том, «како угодити Господеву» (*1 Кор. 7, 32*), в Церкви Божией установилось с самого ее

основания, как существенная необходимость в строе ее, и от св. Апостолов получило первые основоположительные законы. Но сначала аскеты, – так назывались люди, посвящавшие себя сему роду жизни, отрешаясь от мира и житейских забот, оставались в своих домах, только уединялись где-нибудь в невидном уголке, и там предавались молитвам, Богомыслию, посту, бдениям и всем подвигам. С течением же времени, когда христианство расширилось, в пределах и числе верующих, многие подвижники стали оставлять свои семейства, и, удаляясь за город, или селение, там, в глуши, проводили уединенную жизнь, в какой-нибудь естественной пещере, в запустелом гробе, или в нарочно устроенной небольшой келье. Ко времени св. Антония подвижники, наиболее ревностные, жили преимущественно таким образом. Им подражать возревновал и св. Антоний Великий. Начало жизни подвижнической – послушничество. Его проходил св. Антоний в подражании и послушании тем подвижникам. – Существо послушничества состоит в утверждении в сердце христианских добродетелей и в усвоении порядков подвижнической жизни, под руководством опытейших. Христианские добродетели вынес св. Антоний из воспитания; теперь ему предлежало только узнать, какие подвиги необходимы для возревновавших жить в Боге, и как их надо совершать. Для этого ходил он к известным тогда подвижникам, разузнавал, как что делать, научался тому и возвращался с сим приобретением, как с добычею, в свое уединище. Таким образом, как замечает св. Афанасий, он, как мудрая пчела, отовсюду собирал себе духовный мед, слагая его в сердце свое, как в улей. У одного перенимал он строгость воздержания в пище, спание на голой земле, продолжительное бдение; у другого научался неумоимости в молитве, вниманию к помыслам и Богомыслию; у третьего брал пример трудолюбия, верности правилам, и терпению; и у всех заимствовал тот же дух твердой веры во Христа Господа и братской ко всему любви, в себе одном стараясь сочетать все, чем особенно отличался каждый из виденных им отцов. Без проверки своей жизни жизнью других и без стороннего руководства никто не достигал высших степеней подвижнической жизни. Означенными старцами св. Антоний поверял свою жизнь, и их руководством был направляем по неуклонному пути к совершенству. В этом послушническом воспитании провел он лет пятнадцать, живя за селением в гробнице, сначала не так далеко, а там и подальше, куда приходил к нему один искренний ему селянин, принося хлеб, – единственную пищу св. Антония, – и отбирая рукоделье: ибо св. Антоний жил трудами рук своих. Все время свое он делил между этим рукоделием, молитвою и размышлением о Божественных истинах Писания: в каких деланиях утвердил его и явившийся ему Ангел Божий, когда однажды томил его дух уныния. Как текла в это время жизнь его, приводим о том свидетельство Созомена (Цер. ист., кн. 1, гл. 13), который пишет о св. Антонии: «изведав, что добрая жизнь от привычки делается приятною, хотя на первый раз бывает и трудна, он придумывал опыты подвижничества все более и более строгие, с каждым днем становясь воздержнее, и как бы всегда только начиная, придавал новую силу рвению; телесные удовольствия обуздывал трудами, против страстей душевных вооружался богомудрою ненавистью к ним. Пищею его был хлеб с со-

лью, питием – вода, а временем обеда – закат солнца; нередко, впрочем, дня по два и более оставался он без пищи; бодрствовал же он, можно сказать, целые ночи и в молитве встречал день, а если и вкушал сна, то на одну минуту; ложился большею частью на голой земле, и только землю имел своею постелью. Намащаться же елеем, мыться и пользоваться другими удобствами он себе не позволял, так как от этого изнеживается тело. Лениности терпеть не мог, и работа не выходила у него из рук почти целый день». Таким претрудным путем шел св. Антоний. Но, как известно, такая жизнь без борьбы не проходит, как не бывает света без тени. Не будь в нас греха, и не имей мы врага, одно добро раскрывалось бы в нас и росло беспрепятственно. Но как тот и другой есть и оба предъявляют свои на нас права, то никто не обходился без борьбы с ними. – Надо обессилить их и победить, чтобы свободно идти далее. Без этого они все будут путать руки и ноги хотящему право идти, кто бы он ни был. Вот почему Божия благодать, созидавшая в духе св. Антония, вводила его в брань, чтоб искусив его, как золото в горниле, укрепить нравственные силы его и дать простор их действию. Врагу дан был доступ, а подвижника поддерживала сокровенная помощь. Св. Афанасий пространно описывает эту борьбу. Вражеские стрелы, говорил он, были очень чувствительны; но мужественный борец отражал их, нимало не колеблясь. Сначала враг покушался поколебать его сожалением, что оставил мир, приводя на мысль с одной стороны – знатность рода, без нужды будто презренную, не малое богатство, напрасно будто рассоренное, и все удобства жизни, без пользы будто отвергнутые, – и особенно сестру, брошенную ни с чем на чужие руки, без собственной его поддержки, присмотра и утешений, – с другой – претрудность и жестокость начатой жизни безотрадной, непривычность и невыносимость тела, которому не устоять будто против таких лишений, и длительность этой жизни, – так что и конца ей будто не видится, – вдали от людей, без всяких утешений, в непрестанном самоумерщвлении. Этими внушениями враг возбуждал сильную бурю помыслов; но был не только отражен твердостью св. Антония, непоколебимо стоявшего в своем намерении и в своей решимости, но и низложен великою его верою, что все, оставленное и терпимое им, ничто в сравнении с нескончаемыми благами, уготованными мироотречным труженикам от Бога, угодить Которому удобнее свободному от всех житейских и вещественных уз, – и даже повержен в прах непрестанными его молитвами, привлекавшими в сердце его сладчайшие духовные утешения. Победенный с этой стороны враг нападает на юного борца с другой; с которой привык уже он низлагать юность, – начинает бороться плотскою похотью, смущая ночью и тревожа днем. Борьба была столь ожесточенна и длительна, что не утаилась даже от посторонних. Враг влагал нечистые помыслы, а св. Антоний отражал их молитвою; тот приводил в разжжение члены, а этот охлаждал их постом, бдением и всяким себя претруждением; тот принимал на себя ночью женские образы, всячески ухитряясь возбудить обольстительные влечения, а этот восторгался горе, и созерцанием тамошних красот, равно как живейшим сознанием благородства, какого сподобляется естество наше в Господе Иисусе Христе, развеивал обманчивую прелесть; окаянный вызывал чувство сласти от удовольствия, а блаженный восставлял

противочувствие страшной горечи мук в огне вечном и от червей неусыпающих, – и пребывал невредимым. Докучливость и безобразие нападений образовали наконец в борющемся отвращение ко всяким нечистым движениям и гнев на них с сильным раздражением, что лишило врага возможности приближаться к нему и даже издали как-нибудь искушать и тревожить его с этой стороны. Ибо чувства отвращения и ненависти к страстным движениям суть огненные стрелы, опаляющие врага. Так побежден был и в этом вселукавый юношью, носящую страстную плоть, и отступил с посрамлением, потому что рабу Божию содействовал Сам Господь, ради нас понесший плоть и в ней сокрушивший всю силу вражью, как это исповедует всякий истинный подвижник, говоря с Апостолом: не аз, но благодать, яже со мною (*1Кор. 15, 10*). Но у человеконенавистника не все еще истощились стрелы. Видя покров Божий над юным борцом, и зная, что он осеняет только смиренных, враг замышляет лишить его сего покрова, возбуждав в нем высокоумие и самомнение. Для сего является видимо в виде малого отрока – черного, и с притворным унижением говорит св. Антонию; победил ты меня, – полагая, что тот, отнеся победу к себе, возмечтает много о себе и тем прогневет Бога, ему помогающего. Но св. Антоний спросил его: ты же кто такой? Тот ответил: я дух блуда, на котором лежит возбуждать разжжение похоти и ввергать в плотской грех. Многих, давших обет целомудрия, оболыстил я; многих, долгое время умерщвлявших плоть свою, довел до падения; но тобою все мои сети порваны, стрелы поломаны, – и я низложен. Тогда св. Антоний, благодаря Бога, Спасителя своего, воззвал: Господь мне помощник, – и аз воззрю на враги моя (*Пс. 117, 7*), и затем небоязненно посмотрев на врага, сказал: черным попустил тебя Бог мой явиться ко мне в показание черноты твоих злоумышлений, – и отроком в обличие твоего бессилия. Потому и достоин ты всякого презрения. От этих слов дух этот, как огнем палимый, бежал, и уже не приближался более к блаженному Антонию. Победа над страстями приближает к бесстрастию; бесстрастие же в какой мере утверждается, в такой приносит с собою и мир душевный: а мир душевный с сладостными ощущениями, подаемыми молитвою и Богомыслием, возбуждает в сердце духовную теплоту, которая, собирая к себе все силы духа, души и тела, вводит человека внутрь, где водворившись, он ощущает неотразимую потребность быть одному с единым Богом. Это неотразимое тяготение внутрь пред Бога есть вторая степень духовного преспеяния; и, к ней-то подошел теперь св. Антоний. И доселе он бывал больше один; но к нему нередко приходил искренний его из села, а сам он хаживал, то к старцам, то в сельскую церковь на Богослужение, особенно литургию. Все это было сопряжено с своего рода развлечениями, как ни отсекай их. Востяготевший внутрь дух св. Антония начал требовать решительного уединения, чтоб ничего не видеть и не слышать. К этому, как указывалось, душа приходит сама собою, прямым путем подвижничества; но ускоряют этот поворот и дают ему решительный толчок какие-нибудь сильные порывы самоотвержения. Явить такой порыв св. Антонию подало случай явное нападение на него бесов. Бесы лишаясь возможности действовать чрез помыслы на душу очистившуюся, начинают действовать со вне, являются видимо и строят подвижнику то, чем надеются

повредить ему, или поколебать его добрые намерения. – Благодать же Божия попускает это в видах преспеяния подвижника, открывая ему чрез то восход на высшую степень и вместе снабжая неким правом на приятие потом власти над самими духами искусительными. Это и было со св. Антонием. Самый важный в сем обстоятельстве момент есть тот, когда св. Антоний, очнувшись в притворе церковном в селении, и едва еще дыша, сказал своему другу: неси меня опять в мое уединище. Ибо этим он выразил предание себя на смерть ради жизни, которую в своем лице сознавал единственно угодною Богу. Это значило то же, что и делом умереть Господа ради: ибо готовность на то была полная. Готовность на смерть ради Господа и угождения Ему есть всепобедительное оружие: ибо чем еще можно искутить, или утратить имеющего ее? Она и считается исходным началом подвижничества и крепостью во все продолжение его. Господь и Спаситель, – Подвигоположник наш, – все дни земной жизни Своей видел смерть пред Собою, но в саду Гефсиманском, во время молитвенного борения, – Он окончательно победил ее человечеством; страдания и смерть крестная делом совершили то, что там изречено. За этим следовало тридневное субботствование, пред славным воскресением. Этот путь проходят все души, пошедшие вслед Господа. Первый шаг при сем есть самоотвержение; но в каких бы малых начатках оно ни было, в нем всегда есть своя доля готовности на смерть. Затем растет самоотвержение, – растет и сия готовность, или сия готовность есть душа самоотвержения. Кто дойдет до такой степени готовности, какая была у Спасителя в саду, тому предлежит тотчас восхождение в духе на крест, и затем субботствование духовное, за которым следует и духовное воскресение во славе Господа Иисуса. – Вот это и совершилось теперь в духе св. Антония. Словами к другу несть его опять туда же, где его так умучили, он показал, что в его духе было то же, что у Спасителя, когда Он, по молитве в саду, сказал ученикам: «идем; се приближися предай Мя!» – За этим тотчас следовало его удаление в дальнейшую пустыню и двадцатилетнее в ней пребывание в безмолвии, – как его распятие и субботствование – в духе. Лишь только оправился св. Антоний от страданий, причиненных бесами, как устремился в пустыню за два, или за три дня пути от жилых мест, – и там заключился в старом заброшенном капище, в котором был колодец с водою, а хлеб доставлял ему по полугодно друг его. Какие нес он здесь труды и подвиги, и что с ним было – никто не видел. Но судя по тому, каким он вышел из затвора, должно заключить, что это было время созидания его духа Духом Святым. Здесь то же происходило, что происходит с гусеницею, когда она завертывается в куколку. Никто не видит, что с ней делается в эту пору: она будто замерла. Но между тем всеоживляющая сила природы действует в ней, – и в свое время из куколки вылетает прекрасный разноцветный мотылек. Так и в св. Антонии. Никто не видел: что с ним; но Дух Божий ни для кого незримо, неведомо большею частью и для самого Антония, созидал в нем нового человека, по образу Создавшего его. Когда кончилось время созидания, ему повелено было выйти на служение верующим. И он вышел, облеченный разнообразными благодатными дарами Св. Духа. Как Христос восстал от мертвых в славе Отчей, так св. Антоний исшел теперь в обновленной духом жизни. Этим кончилось обра-

зование духа св. Антония. Вся последующая затем жизнь его была не что иное, как плодотворение от того, что посеяно в первые два периода его жизни. Это – третий, время служения во благо Церкви, – как будто Апостольство его, – Сколь многоплодно и широко было это служение, всякий увидит из описания жизни его св. Афанасием. Он служил всеми дарами благодатными. А каких у него не было? – Был дар чудотворений, дар власти над бесами, над силами природы и над животными, дар прозрения мыслей, дар видения происходившего вдаль, дар откровений и видений. Но из всех даров самый многоплодный и обширный по приложению был дар слова. – И им-то послужил он меньшей братии своей паче всех других даров. Св. Афанасий пишет, что Бог дал св. Антонию слово сильное, проходящее до глубин сердечных. И он умел с такою силою говорить на пользу каждому, что многие из людей знатных, – военных и гражданских, люди с большим достатком, слагали с себя тяготы житейские и делались монахами. Да и кто, приходя к нему печальным, возвращался необвеселенным? Кто, приходя к нему проливающим слезы об умерших, не оставлял тотчас своего плача? Кто, приходя гневным, не переменил гнева на кротость? Какой монах, впадавший в нерадение, побывавши у него, не делался снова ревностным и крепким в подвигах? Какой юноша, увидев св. Антония и послушав его, не отрекался от утех, и не начинал любить целомудрие? Сколько дев, имевших уже женихов, издали только повидав св. Антония, перешло в чин невест Христовых? Из этого свидетельства видно, что св. Антоний не закрывал источника своего Богодарованного ведения. Да и приходили к нему преимущественно затем, чтобы послушать, принять слово истины и найти себе должное руководство. И он всех, по Апостолу, научал, обличал, умолял. Иногда обильным потоком изливалось слово его, как то, которое сохранил в его жизнеописании св. Афанасий; иногда говорил он менее пространные речи, как его 20 кратких слов; но более ограничивался он краткими изречениями, полными смысла и силы. Эти краткие изречения в несчетном множестве переходили потом из уст в уста, составляя как бы ходящий устав подвижничества, и вошли наконец в сборники отеческих достопамятностей. Иногда св. Антоний писал и послания к детям своим духовным, инокам разных обителей, в которых то изображал общие черты жизни о Христе Иисусе, то врачевал частные немощи братий. Все, исшедшее из уст св. Антония и преданное письмени, и все им писанное доставит богатую пищу душе, ищущей назиданий. Дошли до нас, кроме пространного слова, в жизнеописании помещенного, 20 посланий к инокам, 20 кратких слов о добродетелях и пороках, 170 глав о доброй нравственности, его правило для монахов с двумя к нему прибавлениями, и множество его изречений и сказаний о нем, всегда назидательных и поучительных, разбросанных в разных отечниках. Послания и слова его в русском переводе помещены в первых годах Христианского Чтения, – главы входят в состав Добротолубия, изречения и сказания составляют первую статью Достопамятных Сказаний. В подлиннике все это можно найти и читать в *Patrologiae graecae, t.40 – Migne*, откуда и переведено все, помещаемое в настоящем сборнике. Здесь предлагаются вниманию любителей такого чтения:

1. Извлечения из посланий и слов. В них 1–15 пункты взяты из жизнеописания св. Антония св. Афанасием. Наставления 16–68 извлечены из писем св. Отца. Наставления 69–82 извлечены из его 20-ти слов к монахам.

2. 170 глав о доброй нравственности.

3. Устав отшельнической жизни. В 40 т. «Patrologiae graecae» Migne, на стр. 1065, помещены Praecepta Antonii в 80 пунктах. За ними стоят еще его же: «Spiritualia documenta regulis adjuncta», и «Admonitiones et documenta varia», то и другое, очевидно, как дополнение к предыдущему правилу. Как все изречения, содержащиеся под семи заглавиями, одного суть рода, и по содержанию и по образу речи, то они сводятся здесь воедино и размещаются под особыми рубриками, следуя естественному ходу отшельнической жизни, под заглавием, устав отшельнической жизни.

4. Изречения св. Антония Великого и сказания о нем. Такие изречения и сказания в большом числе помещены в Достопамятностях; но кроме этих есть другие, которые приводятся в том же томе 40-м Patr. graec. и в нашем Алфавитном Патерике; иные еще приводятся Кассианом: есть несколько в разных статьях отеческих сборников. Вместо того, чтобы ставить их как какие пришлось где найти, здесь они размещаются в некотором порядке, подобно предыдущим правилам. Начало полагается сказаниями, относящимися к движению из мира, коим начинается подвижничество, а потом идут и все прочие изречения и сказания по порядку отшельнической жизни.

5. Вопросы учеников и ответы старца о некоторых изречениях св. Антония Великого.

Православная библиотека – Orthodox Logos

- *Добротолубие (Том I • Том II • Том III • Том IV • Том V)*
- *Откровенные рассказы странника духовному своему отцу*
- *Семь слов о жизни во Христе* – праведный Николай (Кавасила)
- *О молитве* – святитель Игнатий (Брянчанинов)
- *Об умной или внутренней молитве* – преподобный Паисий (Величковский)
- *В помощь кающимся* – святитель Игнатий (Брянчанинов)
- *Христианство по учению преподобного Макария Египетского* – преподобный Иустин (Попович), Челийский
- *Философские пропасти* – преподобный Иустин Челийский (Попович)
- *Священное Предание: Источник Православной веры* – митрополит Каллист (Уэр)
- *Толкование на Евангелие от Матфея* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Марка* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Луки* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Иоанна* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Таинство любви* – Павел Евдокимов
- *Мысли о добре и зле* – святитель Николай Сербский (Велимирович)
- *Миссионерские письма* – святитель Николай Сербский (Велимирович)
- *Живой колос* – праведный Иоанн Кронштадтский (Сергиев)
- *Дидахе. Учение Господа, переданное народам через 12 апостолов*
- *Домострой* – протопоп Сильвестр
- *Лествица или Скрижали духовные* – преподобный Иоанн Лествичник
- *Слова подвижнические* – преподобный Исаак Сирий Ниневийский
- *Миссионерские письма* – святитель Николай Сербский (Велимирович)
- *Точное изложение православной веры* – преподобный Иоанн Дамаскин
- *Беседы на псалмы* – святитель Василий Великий
- *Смысл жизни* – Семён Людвигович Франк
- *Философия свободы* – Николай Александрович Бердяев
- *Философия свободного духа* – Николай Александрович Бердяев
- *Песня церкви - Праведники наших дней* – Артём Перлик
- *Сказки* – Артём перлик
- *Патристика* – Артём Перлик
- *Ты нужен мне* – Артём Перлик
- *Следом за овцами - Отблески внутреннего царства* – Монахиня Патрикия

«Добротолубие» (Том I) представляет собой уникальное собрание духовных наставлений, житейских поучений и размышлений великих святых отцов. В её составе – тексты, передающие мудрость преподобного Антония Великого, святого Макария, аввы Исайи, святого Марка Подвижника и аввы Евагрия. Каждая глава наполнена глубоким смыслом, направленным на духовное возрождение, обретение внутреннего мира и развитие нравственной устойчивости. Читатель найдёт здесь не только исторические свидетельства монашеской жизни, но и практические советы для ежедневного духовного роста, понимание истинной природы добра и путей к спасению души.

Книга акцентирует внимание на необходимости смирения, молитвенного созерцания и постоянного самосовершенствования. Здесь отражены принципы аскетизма и стремления к высшему духовному идеалу, что делает произведение актуальным и сегодня. «Добротолубие» способно стать надёжным путеводителем для всех, кто ищет ответы на вопросы веры, кто готов окунуться в безбрежный океан духовного знания и пережить настоящее преобразование внутреннего мира.

